

КТО ВОСКРЕСНЕТ В КИБЕРНЕТИЧЕСКОМ АВАТАРЕ? МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ОБРЕТЕНИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ

Долинина М. В.

В своей книге «Сумма технологии» Станислав Лем разворачивает масштабное эпическое полотно, повествующее о том, какие перспективы открываются перед человеческой цивилизацией по мере эволюции технологии. Апофеозом технологического восхождения должна стать «космогоническая инженерия», стирающая грань между естественным и искусственным миром, поскольку мир искусственного будет превосходить естественное по всем мыслимым параметрам.¹ Это означает, в частности, что конструктивные «решения» биоэволюции перестанут быть примером для подражания, а само знание о том, как сформировалось то или иное биологическое «достижение» перестанет быть обязательным, поскольку, «чтобы спроектировать электрогенератор, вовсе не надо знать историю его изобретения».²

Неизбежным следствием торжества технологии является преобразование человека. «Человек не может изменять мир, не изменяя самого себя»,³ - пишет Лем. И это может быть истолковано двояко. В более общем смысле это означает, что человек и мир представляют собой сопряжённое единство, и изменения всегда взаимны. Изменения представлений о мире приводят к изменению представлений о самих себе. Изменение способов взаимодействия с миром изменяет способ его восприятия, а также формы поведения в нём. В более специализированном смысле высказывание Лема означает, что уничтожение грани между биологическим и технологическим, обретение способности преобразовывать и создавать любые объекты, с неизбежностью приведет к тому, что

¹ Лем С. Сумма технологии. М., СПб., 2002. – С. 459.

² Там же. – С. 469.

³ Там же. – С. 467.

Лем называет «автоэволюцией» человечества. Под автоэволюцией понимается возможность преобразовывать человеческий организм.

Лем обозначает два возможных подхода по отношению к человеческому организму. В одном случае организм принимается как неизменяемая данность. При таком подходе усилия биотехнологов будут направлены на сохранение и совершенствование привычных органических функций и свойств: «Тогда задачи биотехнологии будут заключаться в устранении болезней и в их профилактике, а также в восстановлении нарушенных функций или поврежденных органов с помощью заменителей - либо биологических (трансплантация, пересадка тканей), либо технических (протезирование)»⁴. Этот подход он называет «традиционным» и «близоруким».

В рамках второго подхода, как полагает Лем, может быть создана более совершенная версия человеческого существа. В рамках второго подхода руководящим принципом всех биотехнологических манипуляций является «замена эволюционных градиентов Природы целенаправленной, регулирующей практикой человека».⁵ По большому счёту, с нашей точки зрения, этот подход принципиально не отличается от первого «близорукого» варианта, поскольку речь здесь идет лишь о более широком и интенсивном конструктивном вмешательстве. Принципиальной разницы во внешнем облике и функциональном устройстве нет.

Третий возможный подход, обозначенный Лемом, вызывает гораздо больший интерес, является гораздо более смелым и открывает гораздо больше возможностей для построения футурологических гипотез. Третий подход состоит в признании «неудовлетворительным данного Природой конструктивного решения задачи "Каким должно быть Разумное Существо", равно как и решения, достижимого автоэволюционными средствами, заимствованными у Природы». Что означает отказ от намерения работать с имеющейся моделью разумного существа, отказ от

⁴ Там же. – С. 460.

⁵ Там же. – С. 461.

«реконструкции» ради того, чтобы приступить к разработке принципиально нового конструктивного решения.⁶

Современные успехи (успехи, наблюдающиеся спустя почти 50 лет с момента выхода в свет «Суммы технологий») в области трансплантологии и протезировании человеческого тела позволяют некоторым, наиболее оптимистично настроенным фантазерам⁷, говорить о стремительно приближающейся возможности преодолеть трудности, связанные с существованием в биологическом теле. В качестве конечной цели объявляется создание искусственного тела, аналогичного биологическому, но функционально и конструктивно более совершенного. Увенчать подобные конструкторские поиски должна разработка механизма перемещения сознания с одного «носителя» на другой. Одновременным результатом должно стать кибернетическое бессмертие.

Рассматривая базовые принципы, которыми руководствуются идеологи современных «автоэволюционных» проектов, мы можем сделать несколько примечательных наблюдений. Во-первых, мы обнаруживаем торжество автоэволюционной концепции, которая задолго до своего обнародования в существующем проекте получила характеристику «близорукой». То есть мы наблюдаем если не воплощение, то, по крайней мере, заявление в качестве руководящего принципа ориентации на традиционный человеческий «интерфейс». Во-вторых, мы видим, что при разговоре о сознании идеологи кибернетического преобразования человеческого тела ориентируются на компьютерную метафору, как если бы было само собой очевидно, что сознанием можно манипулировать, подобно информации на различных материальных носителях. В-третьих, апеллируя к компьютерной метафоре, сторонники «пересадки» сознания считают возможным «извлечь» сознание так, как если бы сознание было особым материальным объектом.

Проекты такого рода встречают вполне предсказуемое сопротивление и критику. Ещё находясь на достаточном удалении от реального воплощения, проект перенесения человеческого сознания в тело кибернетического аватара приобретает заметное

⁶ Там же. – С. 461.

⁷ См., например, план проекта «Аватар», разработанный в рамках общественного движения «Россия 2045».

количество противников. Спектр имеющихся критических замечаний и контраргументов довольно широк: от экзистенциальных и антропологических до методологических и технологических.

Сторонники идеи кибернетического бессмертия аргументируют свою позицию ссылкой на принцип изофункционализма систем, то есть на принципиальную возможность «воспроизведения функций живой системы и головного мозга на небиологических субстратах, что целиком относится и к психическим функциям».⁸

Защищая свою программу, сторонники обретения кибернетического бессмертия говорят, среди прочего, об уникальной возможности доступа к новым формам опыта. Поскольку тема обретения новых форм опыта представляет для нас особый интерес, позволим себе рассмотреть её немного подробнее. Мы полагаем, что кибернетические аватары не позволяют расширить горизонты возможного опыта, поскольку, как мы попытаемся показать, опыт – это то, что случается с биологическим существом в окружающем его мире. Опыт – понятие экологическое, а как только опыт конструируется технологически, он уже перестает быть собственно опытом. Живое существо погружается в опыт своей реальной жизни посредством своих сенсорных и локомоторных способностей. Кибернетический аватар, оторванный от биологического субстрата, производит имитацию сенсорных и локомоторных переживаний, которые, не будучи адресованы живой воспринимающей системе, лишаются всякой ценности и смысла. Как только живое тело перестанет быть живым, оно автоматически будет исключено из «окружающего мира». Его мир перестанет быть окружающим. И для него перестанут быть значимыми события того мира, в котором он существовал как организм. Можно сказать, что он утратит смысл жизни. В конечном итоге он и жизнь утратит.

Основной предпосылкой нашего рассуждения является убеждение, что «субъект мыслящий» с неизбежностью укоренён в субъекте воплощённом. Собственно воплощение является условием существования человеческого мира. Мы отстаиваем позицию,

⁸ Дубровский Д. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. – 25 октября 2012.

согласно которой попытки говорить о человеческой субъектности вне связи с его телесностью лишают говорящего предмета разговора. Всякая попытка говорить об альтернативных формах существования делается с использованием и на основании базовых представлений, сформировавшихся под влиянием опыта телесного присутствия в мире материальных объектов. Отказ от тела является отказом от мира, а заодно и от доступных и привычных, интуитивно понятных способов рассуждения о мире. «Мир», который собрался преобразовывать человек, – это мир, увиденный глазами живого человеческого существа.

В свою очередь, мир, в котором обнаруживает себя живое существо, – это «окружающий мир». В понятии «окружающий мир», как мы полагаем, фиксируется существование сопряжённого единства «субъект-объект», а также фиксируется факт неоднородности пространства, упорядоченного всегда таким образом, что всегда имеется возможность указать на существование периферии и центра, главного и второстепенного. Понятие «окружающий мир» фиксирует безразличное отношение субъекта к пространству, в которое он погружен. Здесь мы привлекаем в качестве своего союзника Дж. Гибсона с его экологическим подходом к восприятию. Для нас важно указание, обнаруживаемое в работе Гибсона⁹, как раз на факт обязательной соотнесенности свойств окружающего мира со свойствами погруженного в него субъекта. Гибсон настаивает на рассмотрении окружающего мира не как нейтрального пространства физических объектов, а как пространства возможностей, конкретизированных относительно каждого отдельного живого существа. «*Возможности* окружающего мира – это то, что он *предоставляет* животному, чем он его *обеспечивает* и что он ему *предлагает* – неважно, полезное или вредное».¹⁰ [Возможности] образуют единство относительно позы и поведения рассматриваемого животного.¹¹

Помимо указания на то, что мир является «окружающим» и представляет собой совокупность возможностей, нам важно обратить внимание на особую «усредненность» пространства

⁹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М., 1988.

¹⁰ Там же. – С. 188.

¹¹ Там же. – С. 189.

живого. Живому существу в его актуальном восприятии доступен очень небольшой диапазон объектов «средней» величины. Живое существо не способно воспринять ни очень большие объекты (и временные промежутки), ни очень маленькие. Окружающий мир доступен в довольно ограниченном масштабе как с точки зрения пространства, так и с точки зрения времени. Величины, выходящие за пределы «среднего» диапазона, превращаются в теоретические конструкции. Как пишет Гибсон, «органы чувств животных, то есть воспринимающие системы не способны обнаружить атомы или галактики, но в пределах доступного им эти воспринимающие системы способны обнаружить определенный круг предметов и событий».¹²

В связи с этим интересно провести аналогию между работой с высокоточным интеллектуальным оборудованием в высокоразвитых научных областях и эксплуатацией кибернетического аватара. Что «на самом деле» фиксирует ученый, обеспечивающий себе доступ в невидимую реальность своих теоретических объектов? Располагая между собой и реальностью микро- или макромира какие-либо измерительные приборы или иное оборудование, позволяющее «наблюдать» за миром научных объектов, исследователь имеет возможность визуализировать и регистрировать некоторое положение дел. Однако оборудование, обеспечивающее «доступ» к ненаблюдаемой реальности, не дает ответа на вопрос о её статусе. И в этом случае понятие «опыт» в значительной мере проблематизируется.

Кибернетический аватар представляет собой всё то же высокоточное оборудование, предназначенное для наблюдения за недоступной естественным сенсорным системам реальностью. Точно так же, как и, например, радиотелескоп, кибернетическая конструкция будет являть собой технологическое воплощение некоторой умозрительной концепции. При помощи этих устройств люди получают доступ к новой реальности, однако статус этой реальности отныне будет проблематичным. Биологическому существу трудно сомневаться в реальности своего опыта, этот опыт принудительно реален. Лишённый биологического тела

¹² Там же. – С. 35.

пользователь кибернетического аватара, как нам представляется, не имеет оснований для спонтанного доверия реальности, с которой его этот аватар связывает.

Параллельно с обозначенными затруднениями мы очередной раз встречаемся с проблемой обнаружения сознания. Каким образом такую неопределённую «вещь», как сознание, трансплантировать в кибернетический аватар? Ответ на этот вопрос, по большому счёту, станет ответом на вопрос, чем же само по себе является сознание, ведь выделение сознания в качестве объекта для технологических манипуляций предполагает ясное представление о его свойствах и границах. Можно возразить, что это вовсе не обязательно, поскольку локальные манипуляции с человеческим телом, предполагающие масштабное протезирование, не предполагают непосредственного воздействия на человеческое «сознание». И в этом случае замена человеческого тела на кибернетический аватар представляет собой всего на всего более масштабное протезирование (не затрагивающее никаких «тонких материй»). А вот если человеческое тело заменять искусственными органами постепенно, когда оно перестанет быть человеческим и станет кибернетическим?

Когда сторонники идеи кибернетического бессмертия аргументируют свою позицию ссылкой на принцип изофункционализма систем, то есть на «принципиальную возможность воспроизведения функций живой системы и головного мозга на небиологических субстратах, что целиком относится и к психическим функциям»,¹³ они, фактически, оставляют вопрос о сущности сознания за рамками своего рассмотрения. При этом осторожная попытка ограничиться исключительно кругом психофизических функций также выводит нас на зыбкую почву. Как писал Мерло-Понти, человеческое тело (и уж тем более сознание) не сводится к единству функций: «Если я пробую мыслить его [тело] как своего рода совокупность процессов в третьем лице — «зрение», «двигательная функция», «сексуальность», — то замечаю, что эти «функции» не могут быть связаны между собой и с миром каузальными отношениями, все они неясным образом возобновляются и подразумеваются в одной единственной драме.

¹³ Дубровский Д. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема?

Стало быть, тело не является объектом. На том же основании осознание тела, которым я обладаю, не является мышлением, то есть я не могу его разложить и сложить заново, чтобы сформировать ясную его идею. Его единство всегда неявно и запутанно. Оно всегда есть нечто иное, чем то, что оно есть, оно всегда — сексуальность и в то же время свобода, оно коренится в природе в тот же самый момент, когда преобразуется культурой, оно никогда не замыкается в самом себе и никогда не преодолевается. ... Таким образом, опыт собственного тела противостоит рефлексивному подходу, который отделяет объект от субъекта и субъекта от объекта и который дает нам лишь размышление о теле, или тело в идее, а не опыт тела, или тело в реальности». ¹⁴

По большому счету, «экстрагирование» тела представляет собой такую же трудность, что и экстрагирование сознания. Как пишет Мерло-Понти, «я есмь мое тело», и опыт переживания собственного тела открывает человеку форму двусмысленного существования, не позволяет отнести к телу исключительно как к объекту.

Когда сознание полагается существующим вне необходимой связи с органическим субстратом, оно одновременно избавляется от принудительного сопряжения с окружающей средой. Такому подходу чужда всякого рода «экологичность», поскольку «среда» мыслится как универсальное вместилище для равноценных событий, лишённых центробежных и центростремительных интенций. «Бытие — это бытие в ситуации». ¹⁵ Кибертело рискует оказаться объектом среди других объектов дистиллированного физического мира, вне «опыта», вне «ситуаций».

Таким образом, предварительным результатом нашего рассмотрения является вывод о том, что создание кибернетического аватара является, как минимум, проблематичным. Создание и уж тем более использование подобного аватара принуждает человека отказаться от специфически человеческих способов присутствия в мире. Попытка провести демаркационную линию между «сознанием» и «телом», пренебрежение тем фактом, что мир человека — это всегда окружающий мир, в котором локомоторные способности его тела открывают ему особый, неповторимый

¹⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия — СПб., 1999. — С. 257-258.

¹⁵ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — С. 324.

горизонт неравнозначных возможностей, – всё это является попыткой эволюционировать в сторону от актуальной «человечности». Как писал Станислав Лем: «Каков бы ни был результат автоэволюции, он означает, что человеку придется исчезнуть с поверхности Земли; его образ в глазах "преемника" был бы мертвым палеонтологическим названием – таким, каким для нас является австралопитек или неандерталец. Для почти бессмертного существа, которому его собственное тело подчиняется так же, как и среда, в которой он живет, не существовало бы большинства извечных человеческих проблем. Биотехнический переворот тем самым уничтожил бы не только вид *Homo sapiens*, но и его духовное наследие. Если такой переворот не фантазмагория, то связанные с ним перспективы кажутся лишь издевкой: вместо того чтобы решить свои проблемы, вместо того чтобы найти ответ на терзающие его столетиями вопросы, человек попросту укрывается от них в материальном совершенстве».¹⁶

¹⁶ Лем С. Сумма технологии. – М., СПб., 2002. – С. 468.